

DOI 10.25991/AE.2019.80.44.019
УДК 821.161.1

Т. А. Никонова

Никонова Тамара Александровна — доктор филологических наук, профессор,
Воронежский государственный университет

РОМАН «МАТЬ» КАК КАТЕХИЗИС РЕВОЛЮЦИОНЕРА: ФОРМИРОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭТИКИ

В статье утверждается, что история создания романа «Мать» в значительной мере определила его идеологию, однако в полной мере не получила дальнейшего развития в творчестве писателя. Написанный после поражения первой русской революции, на русском материале, роман опирался на идеи европейской философии, распространенные в кругах революционной эмиграции, решал проблемы, общие для социалистического движения. В статье рассмотрена нравственно-этическая программа формирования исключительного героя, лидера в контексте идейно-философских поисков русской интеллигенции 1900-х годов, отмечены особенности восприятия романа отечественной критикой, обозначено место романа в горьковском наследии.

Ключевые слова: роман «Мать», первая русская революция, революционная эмиграция, нравственно-этическая программа.

T. Nikonova

THE NOVEL “MOTHER” AS A REVOLUTIONIST’S CATECHISM:
FORMATION OF THE REVOLUTIONARY ETHIC

The article states that the history of writing of the novel “Mother” came to determine its ideology which, however, was not fully developed in the author’s subsequent works. Being written on the Russian material after the time when the first Russian revolution was defeated the novel was based on the ideas of the European philosophy well known among the revolutionary emigration. And at the same time it was making efforts to solve the problems common for social movement. The article also addresses the moral and ethical program of forming an exceptional hero, a leader in the context of ideological and philosophical research made by Russian intelligence of 1900-th years. Peculiarities of reception of the novel by home critics as well as the place of the novel in Gorky’s literary heritage are marked in the article.

Keywords: the novel “Mother”, the first Russian revolution, revolutionary emigration, moral and ethical program.

И. Анненский, анализируя пьесу М. Горького «На дне», сказал о писателе: «Читая его, думаешь не о действительности и прошлом, а об этике и будущем» [1, с. 73] Точное замечание, лишь на первый взгляд кажущееся парадоксальным, характеризует внимание современников к художнику, стремительно ворвавшегося не только в русскую, но и в мировую литературу. Большой интерес к молодому писателю нельзя объяснить лишь особенностями его таланта. О нем говорили, даже имея поверхностное представление о его произведениях, ибо М. Горький для XX века не только писатель. Он сразу стал общественным явлением и отчетливо это осознавал. Литература была для него способом решения не только литературных задач. Роман «Мать» — яркий тому пример.

Написанный по следам реальных событий первой русской революции, роман был обречен на особое внимание революционизированного европейского читателя, который ознакомился с его английской версией прежде, чем отечественный. К тому же в России после публикации первых фрагментов романа в 1907 году комитет по печати возбудил уголовное дело против автора и издательства, что лишь усилило интерес к тексту, еще не известному широкой публике.

История создания самого канонизированного и самого мифологизированного в советские годы горьковского произведения давно и подробно опи-

сана [2]. Вместе с тем хорошо известные обстоятельства написания и публикации романа в конце XX века стали восприниматься иначе, чем в советские годы. Сменившийся исторический контекст внес свои коррективы в их рецепцию.

Разумеется, советское литературоведение не обходило полным молчанием тот факт, что роман был написан во время поездки М. Горького и М. Ф. Андреевой в Америку, предпринятую с практической целью — российской социал-демократии были необходимы средства для революционной работы. Лекции, публичные выступления с пропагандой социалистических идей были одним из важных способов их добывания. Однако пуританская реакция американской публики на визит М. Горького и М. Ф. Андреевой, о чем сразу же стало известно, сделала их появления на публике невозможными. Тогда и возник договор писателя с американской фирмой «Appleton and Co», приобретшей у него право на издание «Матери» в Америке и во всех странах, где говорят по-английски» [3, с. 429]. Этот же договор оговаривал и время появления романа на другом языке — не «ранее 1 июня 1907 года» [3, с. 433]. Таким образом, первая публикация романа в переводе на английский язык была вызвана коммерческими обстоятельствами.

Для реализации спешного договора с издательской фирмой как нельзя более кстати оказалось гостеприимное предложение дочери известного

нью-йоркского врача госпожи Престонии Мартин [4], позволившее М. Горькому летом 1906 года написать первую часть романа. Вторая была написана уже в Италии, в октябре того же года.

Все эти обстоятельства достаточно информативны во временном контексте. Во-первых, заключение договора об издании ненаписанного романа — безусловное свидетельство увлеченности европейского общественного сознания социалистическими идеями. Во-вторых, это и подтверждение популярности М. Горького за рубежом, связанной с революционностью его творчества. Издатель не заключил бы договора с автором, если бы не был уверен в коммерческом успехе, обеспеченном актуальностью проблематики и популярностью автора. Отметим, что сборник 1904 года «Иностранная критика о Горьком» ее уверенно фиксировал: «В Горьком чествовали главным образом пророка, предвещающего наступление новой эры и новых порядков» [5].

Таким образом, в факте договора М. Горького с издательством «Appleton and Co» соединились политическая и коммерческая мотивации, высокий общественный интерес не к художественными достоинствами пока не написанного романа, но злободневностью его проблематики. В ее распространении М. Горькому принадлежала заметная роль как одному из участников общеевропейского процесса. Не только русская интеллигенция в качестве первоочередных воспринимала проблемы мировоззренческого плана, оформление и популяризацию этического кодекса социалиста, особенно актуального, если речь шла о выходе из пролетарской среды.

Постсоветское, крайне негативное отношение к революции дезавуировало нравственные позиции ее идеологов. Такая же участь постигла и канонизированный советским литературоведением роман «Мать», который стал трактоваться как исполнение заказа идеологов русского большевизма. Однако реальность, как всегда, сложнее злободневных политизированных выводов. Ю. Боров в недавней беллетризованной биографии А. В. Луначарского в конце второй главы, название которой показательное в плане затронутой нами проблемы, — «Важно духовное обеспечение революции», приводит собственные сомнения-раздумья: «Достоевский считал, что грядущие социально-революционные потрясения в России отнимут сто миллионов жизней. Точной статистики нет. Но на много ли он ошибся? А с другой стороны, многим ли меньше в масштабах той исторической эпохи заплатила Франция за ускорение исторического процесса и революционные преобразования и завоевания в конце XVIII — начале XIX века?» [6]

Вопрос Ю. Борева не предполагает вариантов ответа. Он лишь фиксирует ту вечную истину, что человечество не учится на чужих ошибках, упорно продуцируя свои. Роман «Мать» и реализованные им проблемы революционной этики оказались включенными в освоенный и все еще актуальный

для Европы контекст. В силу этого он легко стал фактом европейского общественного сознания. Об этом свидетельствовали тогда же предпринятые переводы на немецкий, французский, итальянский, датский, славянские языки, так же как и коммерческая успешность американской публикации [см. об этом 3, с. 430].

Напомним, что по условиям договора с «Appleton and Co» автор не имел права издавать роман на других языках до июня 1907 года. Вот почему в России М. Горький в марте 1907 года принял публикацию лишь фрагментов романа. Они должны были появиться в XVI, XVII, XVIII сборниках российского издательства «Знание». Последствия были предсказуемыми: тираж XVI выпуска почти весь успел разойтись, но на XVIII выпуск Петербургский комитет по печати наложил арест на том основании, что в нем были «найжены признаки преступлений, предусмотренных п. п. 1, 4 и 6 ст. 129 Уголовного уложения от 1903 года» [3, с. 436].

«Уголовное уложение» от 22 марта 1903 года, готовившееся в течение двадцати лет, явилось последним фундаментальным законодательным актом дореволюционной России. В нем все преступления делились на три группы. Первая предусматривала наказания за преступления против государства, посягающие на порядок управления, на государственную безопасность. Вторая группа, по ст. 129 статье которой обвинялись М. Горький и издательство «Знание», предусматривала наказания за посягательства на основы жизни общества, прежде всего на веру и церковь, на семью.

«Винновный в произнесении или чтении, публично речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих: 1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния; 2) к ниспровержению существующего в государстве общественного строя; 3) к неповиновению или противодействию закону, или обязательному постановлению, или законному распоряжению власти; 4) к учинению тяжкого, кроме указанных выше, преступления, наказывается: за возбуждение, пунктами первым или вторым сей статьи предусмотренное, — ссылкой на поселение; за возбуждение, пунктами третьим или четвертым сей статьи предусмотренное, — заключением в исправительном доме на срок не свыше трех лет» [7, с. 53–54].

Как видим, художественный текст квалифицирован как опасное общественное деяние — устойчивость такой практики сохранится в нашей стране и в послереволюционные годы. Любопытно отметить, что и автор не стремился вывести свое произведение из граждански-правовой области. В декабре 1909 г. М. Горький писал О. Грузенбергу, защищавшему роман «Мать» на процессе: «...моя задача поддержать падающий дух сопротивления темным и враждебным силам жизни, и Вы помогли осуще-

ствить это...» [3, с.483] На эту же особенность романа как на главную, извиняющую художественную небрежность исполнения, указал и В. И. Ленин, оценивая его не в литературном процессе, а в контексте рабочего движения [8].

Хрестоматийно известный в советские годы отзыв партийного лидера выразителен, как и запрещение С.-Петербургского комитета по печати. В. Ленин фиксировал полезность романа для рабочих, которые получали свод правил поведения рабочего-революционера, государственный комитет по печати — опасность такого образца. С разных позиций, но это была совпадающая по сути оценка революционного катехизиса, определявшего процесс вхождения рабочего в социальную борьбу.

Следует отметить, что оценка прямых антагонистов в целом незначительно отличалась от того, как был воспринят роман современниками. Так, Леонид Андреев, прочитав роман в рукописи, писал одному из своих адресатов: «Написал Алексей большую вещь “Мать”. Первая часть великолепна, единственное в своем роде; вторая — слабо. А в общем значительно. Точно сам народ заговорил о революции большими, тяжелыми, жестоко пострадавшими словами» [9, с. 522].

Близкую к этой оценке роману дал А. В. Луначарский, пытавшийся после поражения первой русской революции создать внятную для рабочих «религию без бога» — мировоззренческую систему, которая определяла бы их жизненную позицию. Роман «Мать» не мог его не заинтересовать в русле собственных поисков. Вот почему он увидел в нем не историю индивидуальной человеческой жизни, а словно бы «автобиографию рабочего класса». Оценка А. Луначарского — свидетельство переключки умонастроений, подтверждение аксиологических поисков марксистов 1900-х годов. Идеологически ориентированный подход выводит из привычного понимания все евангельские реминисценции романа «Мать». У них новое назначение — вовлечь читателя в полемику с традицией религиозного поиска, обычно выстраиваемую от евангельских заветов, а не от потребностей реальной политической борьбы. Преодоление сложившегося в сознании читающей публики стереотипа стало первым испытанием романа, далеко не всегда преодолеваемым. Так, М. Горького огорчил восторженный отзыв критика В. Львова-Рогачевского, привычно увидевшего в отсылке к евангельскому сюжету либерально-революционное иносказание.

Напомним эту важную для понимания романа сцену из III главы. В домике Власовых появились знаки иной жизни: книги на полке, картина на стене, на которой «трое людей, разговаривая, шли куда-то легко и бодро.

— Это воскресший Христос идет в Эммаус! — объяснил Павел.

Матери понравилась картина, но она подумала: “Христа считаешь, а в церковь не ходишь...” [3, с 17].

В. Львов-Рогачевский по поводу этой сцены писал М. Горькому в 1907 г.: «Картина, изображающая Христа, идущего в Эммаус, у Вас недостаточно выдвинута. У евангелиста Луки (гл. 24, ст. 14–34) имеются четкие и сильные строки, не использованные Вами: “Но глаза их (учеников) были удержаны так, что они не узнали его”, — пишет евангелист. С одной стороны, “несмысленные и медлительные сердцем”, а с другой стороны, Он, воскресший, на пути в Эммаус с “силой правды”, от которой воскресали невинно убиенные, и со словами, от которых “горело сердце” — это такой красивый и глубокий символ! Конец 1890-х годов, момент “узнавания правды”, момент, когда начинают “открываться” глаза и “гореть” сердца, пролетариат прорывает кольцо болот и со строгим лицом идет в Эммаус...» [3, с. 478].

Этот отзыв для М. Горького стал свидетельством того, что задача, которую он ставил перед собой, создавая роман, не решена. В ответе Львову-Рогачевскому он, повторив уже известную оценку всей повести («небрежно написана»), добавляет важное обстоятельство: «...но главное — она недостаточно демократична» [3, с. 478]. Такое возражение — свидетельство того, что в романе и не предполагалось привычное назидание в духе следования христианским заповедям, внятному читателю-интеллигенту. Замечание о недостаточной *демократичности* повести указывало, для кого повесть была написана. Картина, которую Павел вешает на стену, обозначает начало главного для М. Горького и его читателя-пролетария сюжета. И связан он с Ниловной.

М. Горький реализовал в романе новую концепцию человека. Все исследования советского времени видели ее реализацию в истории Павла, отмечая духовный рост героя. Однако следует заметить, что лишь III глава бегло фиксирует перемены, отмеченные матерью. Мы ничего не узнаём о сомнениях и внутренних поисках Павла, точно так же, как читателю не известна и его рабочая профессия. Главным событием в III главе, которая и завершает экспозицию основного романного действия, становится понравившаяся матери картина на стене, смысла которой Ниловна *пока не поняла*. Ей и читателю предстоит догадаться, что «легко и бодро» идущие на картине люди не видят Христа не потому, что глаза их «были удержаны», как в евангельском сюжете, смысла которого, вероятно, не знала Ниловна. Возможная неосведомленность главной героини в контексте романа становится началом переосмысления евангельского сюжета. Люди на картине, выбранной Павлом, не видят Христа потому, что его *нет* с ними, потому что они *сами* идут *своей* дорогой, не Христом обозначенной. А поскольку все мысли Ниловны о Павле, выплывшем «куда-то в сторону из темного потока жизни» [3, с. 16], то и евангельский сюжет существенно меняет свой смысл. М. Горький писал не о сыне (к такому сюжету он, как известно, и не вернулся), а о *матери*, о ее

пути. И название повести вполне соответствует реализованному замыслу.

Мать и сын пришли в революцию разными дорогами. Сын шел за *идеями*, подчиняя ей всего себя, аскетически отказываясь от личной жизни, от житейски понятого благополучия. На первый несмелый вопрос матери: «Зачем же ты это, Паша?» — ответил человек, точно знавший свою цель: «Хочу знать *правду*» [3, с. 18. Курсив здесь и далее в цитатах наш. — Т. Н].

Путь Ниловны иной. В революцию ее ведет *сердце* матери, *любовь* к сыну. Революция — дело сердечное, созидательное, как и материнская любовь, утверждал сюжетом Ниловны писатель, распространив его на все романное пространство. Ниловна идет за людьми, которых любит, которым верит. Она распространяет листовки, защищает сына и его друзей от вполне конкретных врагов — жандармов и сыщиков. Она видит среди социалистов милых девушек, доброго Андрея Находку и, веря им, начинает участвовать в их деле. Оно для Ниловны и есть та *правда*, которую хочет знать ее сын.

Слово, произнесенное сыном, само стало путеводным для матери, источником истины, смыслом ее жизни. Во время Первомайской демонстрации Ниловна говорит, обращаясь к тем, кто рядом с ней в толпе наблюдающих демонстрацию: «Это святое дело... Вы подумайте — ведь и Христа не было бы, если бы его ради люди не погибли!»

Эта мысль вдруг вспыхнула в ее голове и поразила ее своей ясной и простой правдой» [3, с. 154]. Евангельские аналогии в сознании Ниловны коррелируют с Первомайской демонстрацией, знаменосцем которой стал ее сын. «Теперь толпа имела форму клина, острием ее был Павел, и над его головой красно горело знамя рабочего народа» [3, с. 157].

Первомайская демонстрация есть развитие сюжета, обозначенного картиной на стене домика Власовых. Так подтверждается пронизательное наблюдение И. Анненского, сказавшего еще до появления романа «Мать», что в произведениях М. Горького речь идет в первую очередь об этике и будущем.

Павел и его друзья становятся не только для Ниловны проводниками в новую жизнь. Обратим внимание на то, что Первомайская демонстрация и арест Павла все меняют в жизни не только Ниловны. В привычной жизни рабочей слободки рождаются новые смыслы, новые отношения между людьми. Символичен жест Ниловны, когда она поднимает «древко знамени, разломанное на две части» [3, с. 161], многозначительны ее слова, наполненные «мягкой силой»: «Идут в мире дети наши к радости, — пошли они ради всех и Христовой *правды* ради...» [3, с. 163]. *Слово* матери, преодолевающей боль и страх за сына, меняет ее в глазах людей. «На мать смотрели с грустью, с *уважением*, гул *сочувствия* провожал ее» [3, с. 164]. И это уже не прежний «темный поток жизни», окутывавший Ниловну все сорок лет ее жизни. Высока роль *слова правды*, которого так боятся враги сына, соотносимая для нее

с нравственным христианским учением, с проповедью любви к людям.

Ниловна не только физически покидает слободку, но преодолевает ее духовно. Так, она стала «меньше молиться, но все больше думала и о Христе, и о людях, которые, не упоминая имени его, как будто даже не зная о нем, жили — казалось ей — по его заветам и, подобно ему считая землю царством бедных, желали разделить поровну между людьми все богатства земли» [3, с. 213]. Несмотря на удаление от конфессиональной жизни, Ниловна убеждена, что друзья сына живут «по его заветам», что они носители истинной правды, объединяющей людей.

За переделами рабочей слободки Ниловна становится героиней принципиально иного, не бытового сюжета. Горький наделяет ее правом «сердечной», любовной оценки людей и событий. «...она знала освободившихся от жадности и злобы, она понимала, что если бы таких людей было больше, — темное и страшное лицо жизни стало бы приветливее и проще, более добрым и светлым» [3, с. 215].

По сути дела, М. Горький на примере пути Ниловны манифестирует идеи богостроительства, одной из ветвей марксизма в России между революциями, наиболее полно представленной двухтомным трудом А. Луначарского «Религия и социализм» (1908–1911). Сторонники этих далеко не религиозных идей опирались на этическую энергию христианства, стремясь к слиянию их с практикой революционной борьбы, что должно было, по их мысли, дать людям «земного бога» и привлечь не только пролетарскую, но и крестьянскую массу к революционным преобразованиям. В творчестве М. Горького разработка этого комплекса идей реализована в редком для него обращении к протестным настроениям крестьянства в повести «Исповедь» (1908), связанной с романом «Мать» сходным целеполаганием — необходимостью внедрения революционной этики в крестьянскую среду.

Развитие сюжета Ниловны соотносимо с катехизисом, изложением основных положений вероучения. Постигание Божественного Откровения для матери — внезапно открывшаяся ей *правда* евангельского текста в момент ареста сына. Однако новые истины даются нелегко. «Неловко мне как-то, и точно по двум дорогам сразу иду: то мне кажется, что все понимаю, а вдруг как в туман попала» [3, с. 179]. Этими словами Ниловны, обращенными к Софье, М. Горький обозначает неизбежные трудности выбора человека, кардинально меняющего свое отношение к миру. Но и тем, кто, как и Павел, становятся апостолами новой веры, сомнения Ниловны, ее рассказы о жизни важны и нравственно содержательны. «Казалось, тысячи жизней говорят ее устами; обыденно и просто было всё, чем она жила, но — так просто и обычно жило бесчисленное множество людей на земле, и ее история принимала значение символа» [3, с. 184].

Ситуация взаимовлияния участников революционного движения принципиально важна для

Горького. Возникающий в их общении катехизис революционера — коллективное творение. Каждый из его постулатов рождается практикой революционной работы и ею же проверяется. В связи с этим уместно вспомнить одно из положений марксизма: «Практика — критерий истины». И не случайно у Ниловны нет одного наставника в новой для нее жизни, как мы не видели его и в случае с Павлом.

Второе важное слово, вокруг которого разворачивается важный смысловой виток сюжета, — *товарищ*. В романе актуализирован его основной словарный смысл — человек, действующий, работающий вместе с кем-нибудь, помогающий ему, делающий с ним общее дело. *Дело* объединяет друзей Павла, к которым приходит Ниловна после его ареста. Кто-то распространяет нелегальную литературу, кто-то помогает семьям арестованных товарищей и т. д., действуя по модели революционной коммуны, в которой все *товарищи*.

Новое слово-обращение меняет того, к кому оно обращено. Так, Саша замечает перемены в Николае Весовщикове, которого прежде она, по ее признанию, не любила, так как в нем «жило неподвижное, темное раздражение на всех <...> Теперь он говорит — *товарищи!* ... Стал удивительно прост и искренен и весь переполнен желанием работы» [3, с. 184]. Прямолинейно-назидательный смысл этой характеристики очевиден, является частью концепции преобразующей роли слова, которая позже будет осмыслена как одно из положений социалистического реализма (см. у Маяковского: «Он к товарищу милел людскою лаской...»).

Слово в революционной среде становится важным пропагандистским средством, оружием. Об этом писал в 900-е годы В. И. Ленин [10], как свою главную задачу его воспринимали русские марксисты. Например, опираясь на Маркса, развивая идеи «философа-бойца Карла Маркса», А. Богданов, с которым именно в эти годы был близок М. Горький, считал, что в результате политического, экономического просвещения рабочие должны получить новое понимание жизни. Тогда «вопрос о целях ее получает впервые законченное значение и находит свободный от противоречий ответ — *в бесконечно возрастающей сумме счастья*» [11, с. 58].

Суть того откровения, с которым герои романа «Мать» идут к своим слушателям, — отрицание любого неравенства и страдания как непереносимой участи «людей черной жизни» (М. Горький). Свобода и радость, по их убеждениям, должны стать содержанием всеобщего существования. Такие истины исповедовал и европейский марксизм.

Слово пропагандиста, распространителя нелегальной литературы, включало преображенного человека в историю всеобщей борьбы за свободу и счастье. «Человек ... приобщался к миру, видя в нем друзей, которые уже давно единомысленно и твердо решили добиться на земле *правды*, освятили свое решение неисчислимыми страданиями...» [3, с. 204]. В романе «Мать» сформулировано важное

правило революционной деятельности — расширение отдельной судьбы до судеб всего человечества, включение ее в общеевропейское, интернациональное движение.

В развитии сюжета Ниловны, как мы видим, априорно заявлена целостная картина мира, назначение которой — заменить прежнюю, и на примере ее пути отработать «методику» ее реализации: «Сына выбрали из ряда — мать на его место встала. <...> Она, может, первая, которая пошла за сыном его дорогой, первая!» [3, с. 191, 196].

Апостолы новой веры — Павел и его соратники — в таком контексте противопоставляются служителям церкви. Роман М. Горького отмечает существенные расхождения с катехизисом христианина в понимании человека. Если Ниловна, Весовщиков, другие герои романа учатся приобщаться «к миру, видя в нем *друзей*», то сельский священник «после схода в селе» рассказывает мужикам, «что, дескать, люди — стадо, для них всегда пастуха надо» [3, с. 192].

Сменившееся понимание человека в романе «Мать» меняет все жизненные ориентиры. «...цена человеку — дело его» [3, с. 275], — постулирует горьковский роман еще один важный тезис новой жизненной программы. «Работа общая идет по всей земле, во всех городах, силе хороших людей — нет ни меры, ни счета, все растет она и будет расти до победного нашего часа» [3, с. 268], — говорит Ниловна, отдавая крестьянам прокламации (новое *слово!*) после ареста Рыбина.

Однако, сделав Ниловну главным героем сюжета формирования нового мировоззрения, М. Горький наполнил иным содержанием образ ее сына. Говорить о Павле как о рядовом участнике событий нельзя. Он — лидер, пролетарский интеллигент, взявший на себя дело революционной перестройки общества. И с этим новым, самой жизнью рожденным человеческим типом, М. Горький связывал надежды на будущее России. В 1917 году в «Несовременных мыслях» он писал о типе рабочего-революционера, словно подводя итог роману «Мать»: «Затратив огромное количество энергии, рабочий класс создал свою интеллигенцию — маленьких Бебелей, которым принадлежит роль *истинных вождей* рабочего класса, искренних выразителей его материальных и духовных интересов.

Даже в тяжелых условиях полицейского государства рабочая интеллигенция, не щадя себя, ежедневно рискуя своей свободой, умела с честью и успехом бороться за торжество своих идей, неуклонно внося в темную рабочую массу свет социального самосознания, указывая ей пути к свободе и культуре.

Когда-нибудь беспристрастный голос истории расскажет миру о том, как велика, героична и успешна была работа пролетарской интеллигенции за время с начала войны» [12, с. 178].

Это важное уточнение горьковской позиции, ибо писатель не принадлежал к числу людей, иде-

ализировавших любые деяния революции. Более того, он не принял ее разрушительного характера в реальности. В мае 1917 года М. Горький писал в газете «Новая жизнь»: «Революция сделана для того, чтобы человеку лучше жилось и чтобы он сам стал лучше». Поэтому, провозгласив в романе «Мать» «Цена человеку — дело его», он стремился при помощи большого одухотворяющего преподавать урок самой действительности, которая так часто уничтожала в человеке все самое высокое и значительное. Роман «Мать» ставил перед собой задачу опережения реальности, создания нравственного примера для подражания. Дидактическое, учительное начало романа не скрывалось, более того — именно в его реализации автор видел свою главную задачу.

В 1930-е годы в письме к Р. Роллану М. Горький скажет, что всегда писал о русском человеке, ибо другого не знает. И если с этой позиции посмотреть на все творчество писателя, в том числе и на роман «Мать», то следует признать, что Павел Власов стал и для М. Горького явлением исключительным — одним из «маленьких Бебелей», решавших интернациональную задачу воспитания «истинных вождей рабочего класса». Потому и остался ненаписанным роман «Сын», что Павел Власов был прежде всего идеологическим проектом. Иных примеров, кроме Петра Заломова, основателя литературы социалистического реализма в русской жизни не увидел. Потому и закончил свой творческий путь романом об «интеллигенте в третьем поколении», все сорок лет своей жизни уходявшем *от* революции. Концептуальное противостояние романов «Мать» и «Жизнь Клима Самгина» — убедительное свидетельство не только горьковских *сомнений*, но и основание для осмысления литературы социалистического реализма как неудавшейся попытки превращения литературы в прямое назидание, в «учебник жизни».

Литература

1. Анненский И. Ф. Книги отражений. М.: Наука, 1979. 689 с.
2. См. об этом: Касторский С. «Мать» М. Горького. Творческая история повести. — Ленинград: Художественная литература, 1940. 224 с.; Семья Заломовых. Сб. воспоминаний и документов. М.: Молодая гвардия, 1956. — 206 с. и др.
3. Горький А. М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: в 25 т. Т. 8. М.: Наука, 1970. 512 с.
4. О мотивации приглашения г-жи Мартин сообщил Н. Е. Буренин, сопровождавший М. Горького и М. Ф. Андрееву в поездке: «Я не могу и не хочу позволить, чтобы целая страна обрушилась на одинокую, слабую женщину, и потому предлагаю Вам свое гостеприимство». URL: <http://andreeva.newgod.su/memories/n-e-burenin-s-gorkim-i-andreevoy-v-amerike>
5. Иностранная критика о Горьком: Сб. статей. М.: Нобель-Пресс, 1904. 324 с. URL: <http://www.knigafund.ru/books/30812>
6. Бореев Ю. Б. Луначарский. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/borev-yurij-borisovich/lunacharskiy>
7. Новое Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 года с приложением Предметного Алфавитного Указателя. СПб.: Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. 130 с.
8. Горький пересказал оценку вождя в очерке «В.И. Ленин», отметив, что он «прочитал её в рукописи, взятой у И. П. Ладыхникова»: «...книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они читают “Мать” с большой пользой для себя» // Горький А. М. Полное собрание сочинений: в 25 т. Т. 20. М.: Наука, 1974. С. 9.
9. М. Горький и Леонид Андреев // Литературное наследство. Т. 72. М.: Наука, 1965. 630 с.
10. См. об этом статью В. И. Ленина 1901 года «С чего начать?»: «...нам нужна именно общерусская газета. ... Без политического органа немислимо в *современной Европе* движение, заслуживающее название политического. Без него абсолютно неисполнима *наша* задача — сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста, оплотворить ими революционное движение пролетариата» // Ленин В. И. ПСС. Т. 5. М.: Политиздат, 1967. С. 10–11 (Курсив наш. — Т. Н.)
11. Богданов А. Вопросы социализма: Работы разных лет. — М.: Политиздат, 1990. 479 с.
12. Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре. М.: Сов. писатель, 1990. 394 с.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–012–00158 «Максим Горький как мировое явление. Роль Горького в литературе, критике, публицистике, политике, культуре и искусстве, театре, кино, современной инфосфере».